



А.КОВАЛЬ Л.ВАЙН

ОФИЦЕР,

БУДЬ
МОИМ

Таной!

Алекс Коваль
Лана Вайн
Офицер, будь моим папой!

<https://litres.ru/74694939>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Дяденька офицер, будь моим папой!

Двухметровый подполковник Багров, похоже, повидал в жизни всякое. Но когда моя трехлетняя дочь намертво вцепилась в его ногу, даже он завис.

Казалось бы, извинились и разбежались?

Как бы не так! Если маленький Лисенок решила, что этот грозный дяденька – ее папа, то отступать уже поздно.

Вот только папу выбирала дочь, а потерять голову рискую я. Хотя, между прочим, ни мужа, ни новых приключений не заказывала!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	32
Глава 6	42
Глава 7	52
Г	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Алекс Коваль

Офицер, будь моим папой!

Глава 1

Есения

– Что сегодня давали на завтрак? – поправляю съехавшую с плеча дочурки лямку ее плюшевого рюкзака в виде медведя.

– Манную кашу, – надув губы, бурчит мое солнце.

– Правильно говорить «кашу», малыш.

– Я знаю. Но она такая пвадивная, как каша! – говорит Алиса, громко волоча за собой по мокрому асфальту детский зонт-трость, собирая на него всю пыль, грязь и царапая дешевый пластик о камешки.

– Лисенок, подними. Сломаешь.

Дочь послушно выполняет. Идет со мной за руку, без энтузиазма переставляя своими красными кедами с модными нашивками. Не испытывая особой радости от того, что из сада я забрала ее сегодня раньше всех. И на то есть реальная причина.

– Мам, а мовжно мы не пойдём к злому дяде стоматовогу?

У меня уже не боит зубик, чевстно-чевстно.

Вот она. Больницы – страшный сон Алисы. Ее боязнь людей в белых халатах временами достигает абсурда. Рыдать – меньшее, что она способна выкинуть. Однажды дочь укусила за палец стоматолога. А в два года – кинула сандаликом в женщину, которая пыталась взять у нее кровь.

– Сегодня не болит, завтра начнет. Его нужно вылечить.

– Но я не хочу вечить! – поднимает на меня полные ужаса глаза ребенок.

– Ну-у, тогда придется отказаться от конфет...

– Совсем-совсем?

– Совсем.

– И даже от мавеньких?

– Даже от маленьких, – едва сдерживая улыбку, с серьезным видом киваю я.

– Вадно, – вздыхает она. – Давай вечить. Конфеты довоже.

Я улыбаюсь. Кто бы сомневался. Правда, зная дочь, – эта решимость с ней ненадолго. Стоит ей только увидеть знакомое крыльцо частной клиники, уговоры «отсрочить» зайдут на новый виток.

Мы с Лисенком доходим до машины. Моя скромная розовая двадцатилетняя старушка, приобретенная сразу после переезда в этот город на ПМЖ, уже дышит на ладан. И хоть внешне не скажешь, внутри – машина требует вложений средств, с которыми сейчас туго. Мой небольшой цветочный бутик приносит немного, а налоги, закупочная стои-

мость материалов и логистика – растут не по дням, а по часам. Малому бизнесу в наше время – туго. Особенно в глубинке.

Я усаживаю Алису в детское кресло. Пристегиваю. Сама сажусь за руль. Включаю любимый плейлист дочери, с бесконечными попсовыми песенками, которые проходили мой личный контроль цензуры, и выруливаю на главную улицу города. От детского сада до стоматологии ехать двадцать минут.

Городок, в котором мы осели с дочуркой три года назад – маленький, уютный, портовый и на берегу пролива. Места здесь живописные. Архитектура старинная. Воздух чистый. И люди добрые. А главное – ритм жизни размеренный и удаленность от моего бывшего места жительства приличная. Как раз то, что в тот момент мне было необходимо. Перезагрузка, тишина и спокойствие.

– Мамуль, а что если я буду всегда кушать конфетки на двугой стовоне, м? Тогда зубик вечить не надо?

– Надо.

– Почему?

– Потому что заболит зубик и на другой стороне тоже. И лечить придется сразу два, – бросаю взгляд в зеркало заднего вида.

Дочь, недовольно сморщив нос-кнопку, теребит уши рюкзака-медведя. На кукольном личике вселенская горечь. Взгляд зеленых глаз – за мгновение до истерики. И я даже

могу ее понять. Мне тридцать лет, а теплых чувств к стоматологам я до сих пор испытывать не научилась.

Подъезжая к клинике, понимаю, что свободных мест на их крохотной парковке нет. Проезжаю чуть дальше и паркуюсь около соседнего здания – хорошо время еще позволяет. Выхожу из машины и открываю Алисе дверь.

Дочь обнимает себя за плечи, цепляясь пальчиками в рукава своей джинсовки, и бубнит:

– Давай не пойдем? Я мавенькая! Мне ствашно!

– Все будет хорошо, солнышко. Я с тобой и не дам тебя в обиду.

– Но ты тоже мавенькая! – недоверчиво косится на мою ладонь Алиса. – Тебя тоже могут обидеть! Вот был бы у меня папа...

На мгновение я обмираю и теряю дар речи. По спине проходит холодок. Папа. Алиса никогда не говорила про «папу». Будем откровенны – она знать его не знает. И, надеюсь, это ее незнание продлится как можно дольше. В идеале – до совершеннолетия. Так уж сложилось, что человек он – так себе. А мужчина еще хуже.

– Папа? – переспрашиваю я. – Почему ты так сказала, Алиса?

– Патамушта папа всегда – бовшой и сильный. С папой не ствашно. Папа защитит! Так Макав у нас в садике гововит. Его всегда папа водит к стоматовогу!

– Ах, вот оно что... Ну, у тебя мама – не большая, но очень

сильная! – улыбаюсь. – Я круче любого папы. Веришь? – протягиваю своему чаду ладонь.

Алиса мнется. На ее детском личике проносится целый спектр эмоций, пока в конце концов она не обхватывает своими маленькими пальчиками мои пальцы, выбираясь из салона.

– И все вавно мне ствашно. Нам надо папу... – ворчит, прижимая к груди рюкзак.

Я ставлю машину на сигнализацию и сжимаю ладошку дочурки. Ничего, с возрастом она поймет, что папа – это не всегда про – большой и сильный. Иногда лучше, чтобы папы не было рядом. Особенно такого, как у нее.

На улице начинает капать мелкий дождь. Вообще сентябрь в нашем городке – время уютной и относительно сухой осени. Но в этом году климат чудит и морось порой занимается по пять раз на дню. И та ситуация, когда утром ты выходишь в шортах, а вечером в пальто – здесь уже давно не мем.

До нужного нам крылечка остается порядка ста метров. Я ускоряю шаг и увлекаю Алису за собой. Тяну дочь за руку. Но, оглянувшись, понимаю, что она на что-то увлеченно таращится, буквально развернувшись всем телом на вытянутой руке.

– Алиса, идем!

– Повстой! – упрямится ребенок, упираясь пятками в брусчатку. – Смотри! Это кто такой, мам? – выдает благого-

вейным шепотом.

Вот тут мне уже становится любопытно и я прослеживаю за ее взглядом.

Из кирпичного трехэтажного здания выходит высокий мужчина в военной форме. Мощный, широкоплечий, огромный, как медведь! На его голове – короткий ежик темных волос. Черты лица резкие и суровые, а скулы покрывает выбеленная сединой щетина. Внушительный.

На плече незнакомца висит дорожная сумка. На груди поблескивают ордена. Рукава его камуфляжной куртки закатаны до локтей, а суровый взгляд направлен на массивные, черные часы на широком запястье. От него буквально веет силой и чем-то мужским. Чем-то, от чего колени подрагивают и забывается, как дышать.

– Кто это, мам? – дергая меня за руку, шепотом повторяет восторженно Лиса.

– Дяденька офицер, малыш, – говорю я так же тихо.

– А кто такой офицер? – не унимается ребенок.

– Военный. Тот, кто защищает нашу родину. Давай, нам нужно идти, а то опоздаем...

– Защищает? Бовшой и сильный? И девется ховошо?

– Да, – тяну дочь за собой. – Наверное, Лисенок. Я не зн...
– запинаясь на полуслове и оборачиваюсь, когда маленькая, горячая ладошка выскальзывает из моей руки. – Алиса, а ну вернись немедленно! – кричу, бросаясь за ней вдогонку.

Моя проворная стрекоза шустро подлетает к незнакомцу

в форме и обеими руками обнимает его за ногу, прижавшись как к родному.

Мужчина от неожиданности дергается. Но, сообразив, что на нем повис ребенок, застывает, лишь озадаченно вскидывая брови.

А в тот момент, когда я оказываюсь в шаге от них и, рассыпаясь в извинениях, тянусь к Алисе – она берет и выдает контрольный в голову, заявляя:

– Дяденька офицев, будь моим папой!

Глава 2

Михаил

В моей жизни бывало всякое. Женщины на шею бросались, изъясняясь в любви. Боевых товарищей на своем горбу таскал, клянушихся вечно быть мне должными. Но чтобы на моей ноге повисала маленькая девчонка с двумя растрепанными косами и просила: «Стать ее папой» – это впервые. Оттого я и теряюсь, не зная, как правильно реагировать.

Сначала в части генерал на уши присел, чуть не продавил меня на срочное подписание очередного контракта. Хотя я ему сразу обозначил: мне нужно время на «подумать». Да и отпуска человеческого у меня не было уже шут знает сколько лет. Отмазался, короче. А тут это...

Смотрю сверху вниз на ребенка. Ребенок огромными, доверчивыми глазами смотрит на меня. Она явно ждет ответа. А какой ответ может быть в подобной ситуации? Не представляю. Просто сюр.

– Алиса, ну ты что такое говоришь? – слышу приятный женский голос с ноткой паники. – Отпусти дядю, малыш! – поднимаю взгляд. К нам с ребенком подбегает симпатичная молодая женщина в джинсах и такой же джинсовой куртке, что и на мелкой.

Мать?

Незнакомка просовывает ладони дочери под мышки и тянет в попытке отцепить ее от меня. Хулиганка только крепче сжимает свои пальчики на моих камуфляжных штанах.

– Пусти, Лиса.

– Не поду! Мне нувжен папа!

– Алиса, это не твой папа, – срывается на дрожь голос девушки. – Идем, пожалуйста. Простите, ради бога! – попутно пытается оправдаться передо мной мамашка, краснея до кончиков ушей.

– А вдвуг мой?! – упорствует ребенок.

Я стою онемевшим столбом, не понимая, чем я могу этим двоим помочь. И ребенка напугать не хочется – снимая с себя. И мать ее подставлять не хочу – потакая детским капризам.

Наконец-то маленькие ладошки соскальзывают с моей штанины. Девушка оттаскивает от меня свою дочь, ставит кедами на асфальт и хватает за руку.

– Простите, пожалуйста! – повторяет снова. – Не понимаю, что на нее нашло. Она раньше... В смысле, она никогда не...

– Не предлагала незнакомым мужчинам стать ее папой? – отмираю я. – Тогда мне даже немного лестно.

Мы с незнакомкой встречаемся взглядами. Я быстро подмечаю для себя «важные» детали: волосы цвета спелой пшеницы, глаза серо-голубые, на щеках веснушки и розовый ру-

мянец смущения. Красивая, нежная, утонченная, ладненькая. И кольца на безымянном пальце нет. Значит, «папы» в наличии и правда не имеется? А вдруг это судьба, Багров?

– Да. Не предлагала, – виновато улыбается она. – У нас просто запланирован поход к стоматологу. А Алиса очень боится врачей. А ее одноклассник в садике сказал, что если с папой, то не страшно. А папы у нас нет. Вот она и... Впрочем, зачем я вас грузу нашими проблемами, – одергивает себя. – Вы нас извините. Всего вам хорошего! – разворачивается ко мне спиной и решительно увлекает дочь за собой.

Мелкая нехотя плетется следом за матерью. Волоча одну лямку рюкзака по асфальту, прямо по лужам, бесконечно оглядывается в мою сторону. Канючит наивно:

– Мам, ну мозет...

– Не может, Лиса.

– А евсли бы...

– Если бы да кабы, во рту выросли грибы.

– Фу. Не люблю гвибы.

Я провожаю их взглядом до самого крыльца частной стоматологической клиники. Губы сами собой складываются в улыбку. Забавные. Обе. Настоящие, без ложных прикрас. Мне по жизни на таких не везет, увы. Сплошь гнилые попадают.

На мгновение задумываюсь: не пойти ли следом и не вписаться ли в эту авантюру. Но подъехавшая машина такси гасит благородный порыв. Не в каждой случайной встрече

нужно искать скрытые смыслы, Мишаня.

Удобней перехватив ремень дорожной сумки, забираюсь в салон и называю нужный мне адрес.

Возвращение в родной город – это всегда глоток ностальгии. В тридцать девять лет улицы, по которым ты бегал девятилетним шкетом, ощущаются совсем иначе. Дома уже старше, брусчатка хуже, краски не такие яркие, да и магазины – через один – новые. Знакомых лиц почти не видно, школьных друзей по миру раскидало. И лишь одно осталось неизменным – атмосфера маленького городка. Засыпая под шум волн и просыпаясь под крики чаек, люди порой даже не осознают, что это место – островок покоя в бурном океане современной, стремительной жизни. Все в города-миллионники лезут. Глупые. Возможностей там, конечно, больше. Но жизни в каждом дне несравнимо меньше. Одни сплошные: задачи и дедлайны.

Такси высаживает меня у подъезда моего старого дома. Дома, где я прожил до восемнадцати лет. Потом закрутило: армия, переезд родителей, смерть отца и бесконечные командировки, кидающие меня из одной точки мира в другую. Задолбался, откровенно говоря.

Возможность вернуться на малую родину выпала мне только спустя двадцать один год, что приличный срок. Мать удивилась, когда я поделился планами. А меня потянуло. И хоть фаталистом никогда не был, но есть ощущение, будто мой приезд сюда – чистая судьба.

Старую квартиру предки, разумеется, продали. Поэтому на пару ближайших месяцев я снял жилье в аренду – двушку в старой хрущевке, на третьем этаже. По счастливой случайности – в том же самом доме, во дворе которого я пацаном гонял мяч на площадке.

Я открываю дверь ключом, что успел забрать утром у хозяйки. Захожу и включаю в прихожей свет. Кидаю сумку на пол, разуваюсь и прохожу по своему временному пристанищу. Чисто, светло, компактно и есть все необходимое. Вояке, привыкшему жить и служить «в полях», – в самый раз.

Достаю телефон и набираю номер друга, которому обещал по прибытии отзвониться. Пока слушаю гудки, выхватываю взглядом среди серо-белых оттенков в интерьере – яркое оранжевое пятно. Декоративная подушка на диване в гостиной, с рисунком лисы.

Вспоминаю другую «Лису», что полчаса назад набивалась мне в дочери.

Хмыкаю.

Потешная малая.

В трубке раздается:

– Мих, прилетел? Привет.

– Прилетел, Лех. Привет.

– С прибытием.

– Спасибо. Помнится, ты говорил, что у тебя найдется для старого друга работенка на время отпуска? Предложение с автосервисом еще в силе? Если да, то я в деле.

Глава 3

Есения

Моя машина начинает дергаться на перекрестке, когда до цветочного остается всего два квартала.

Сначала под капотом раздается негромкий хлопок. Потом еще один. Розовая старушка теряет скорость и тащится вперед так, будто в багажнике вместо упаковочной бумаги лежит пара бетонных плит.

– Мам, а почему мы так медвенно едем? – Алиса отрывается от окна.

– Потому что машина сломалась.

– Совсем?

– Надеюсь, что нет.

Очередной хлопок заставляет меня вцепиться в руль обеими руками.

– Она пукнула, – радостно сообщает дочь.

– Я слышала.

– Гвонко.

– Спасибо, Лисенок. Без тебя я бы не заметила.

Алиса хихикает, а я включаю аварийку и прижимаюсь к обочине. Ну конечно. Почему бы машине не сломаться именно сегодня? Когда багажник набит коробками с лента-

ми, пленкой и новой партией кашпо, которые нужно разгрузить в магазине. А через полтора часа я хотела оказаться дома, где нас ждут: замороженные котлеты, немытая с утра посуда и полная корзина грязного белья. В общем, все удовольствия взрослой самостоятельной жизни разом.

М-да, нашла моя верная напарница, конечно, самое подходящее время для внезапной смерти.

Я достаю телефон и набираю Лешу. Номер его автосервиса у меня давно хранится в избранном рядом с детской поликлиникой и доставкой продуктов. Три главных контакта женщины, у которой есть ребенок, старенькая машина и привычка решать проблемы самостоятельно.

– Сеня, привет, – отвечает он после второго гудка. – Что опять?

– Почему сразу опять?

– Потому что ты звонишь мне только тогда, когда твоя красавица решает развалиться.

– Не развалиться, а привлечь к себе твое внимание. Сейчас она дергается, еле едет и издает неприличные звуки.

– Где стоишь?

– Возле старого хлебозавода. До сервиса два квартала.

– Лампочки на панели горят?

Я смотрю на приборы.

– Какая-то желтая.

– А поподробнее?

– Там нарисовано что-то непонятное. Я флорист, Леш, ме-

ханик у нас ты.

– Ладно. Едь медленно, не газуй. Если станет хуже, останавливайся и звони. Я попрошу Мишку выйти, встретить тебя у ворот.

– Какого Мишку?

– Увидишь. Он большой, не обознаешься.

Леша отключается раньше, чем я успеваю спросить, с каких пор у него появился новый механик. У него и старых-то трое, причем двое вечно курят за зданием, а третий работает за всех и делает вид, что его это совершенно не раздражает.

Я убираю телефон и осторожно трогаюсь с места.

– Мы едем к дяде Веше? – спрашивает Алиса.

– К дяде Леше.

– А он починит?

– Очень на это рассчитываю.

– А еесли не починит?

– Будем ходить пешком.

Дочь задумывается, оценивая масштаб катастрофы.

– Тогда пусть чинит.

До сервиса мы все-таки добираемся. Машина дергается, фыркает и на последнем повороте снова оглушительно хлопает. Из открытых ворот показывается мужчина в черной футболке и темных рабочих брюках. Высокий, широкоплечий, с короткими темными волосами, проседью в щетине и знакомыми чертами лица.

Да ладно! Быть того не может...

От удивления я давлю на тормоз сильнее, чем требуется. Машина клюет носом и останавливается, выплевывая из-под колес мелкие камушки.

Первой подает голос Алиса.

– Мам! – она дергает ремни и подается вперед всем корпусом. – А папа тоже тут!

– Не папа, а дядя офицер, – машинально поправляю я. Хотя сейчас меня гораздо больше занимает сам дядя офицер, а не то, как называет его дочь. Неделию назад в форме он казался суровее. И старше. Сейчас черная футболка облегает грудь и плечи, на предплечьях темнеют следы масла. Без камуфляжа он выглядит проще, моложе и почему-то еще привлекательнее.

Я замечаю, что откровенно его рассматриваю, только когда Михаил направляется к нам.

Прекрасно, Еся! Машина при смерти, товар до сих пор в багажнике, а ты выясняешь, насколько хорошо почти незнакомому мужчине идут рабочие брюки. Очень своевременно! И вообще, мужчины тебе не нужны. Особенно те, которых твоя дочь уже успела самовольно записать в родственники.

Лучше смотри, куда он показывает.

Я заезжаю во двор, останавливаюсь возле свободного бокса и глушу двигатель. После последнего судорожного всхлипа под капотом наступает тишина. Будем надеяться, не по смертная.

Михаил подходит к водительской двери. Нагибается. В

его глазах мелькает узнавание.

– Надо же. Снова вы.

– Сама не ожидала. Город слишком маленький.

– Это точно. А я ждал какого-то Сеню. Леха сказал встретить его у ворот.

– Ее, – поправляю я. – Полное имя Есения. Но Леша решил, что лишние буквы ему мешают.

– Теперь понятно. – Улыбается он и протягивает мне руку.
– Тогда будем знакомы официально. Михаил.

– Очень приятно.

Я вкладываю ладонь в его. Мужчина сжимает мои пальцы уверенно, но осторожно. Рука у него горячая и шершавая, а моя в ней кажется совсем маленькой.

Обычное рукопожатие. Двое воспитанных взрослых поздоровались, ничего особенного. Только пальцы почему-то не спешат разжимать ни он, ни я.

Я поднимаю глаза и встречаю его взгляд. Улыбка еще прячется в уголках его губ, но смотрит Михаил уже серьезнее. Внимательно, будто ждет, что я сделаю дальше.

Не знаю, почему, но в этот момент у меня начинают гореть щеки.

Замечательно. Тридцать лет, ребенок, собственный магазин, а меня смутило рукопожатие. Осталось опустить глаза и поковырять носком туфли землю.

Браво, Семенова!

Я первой высвобождаю ладонь и тянусь к задней двери.

Не потому, конечно, что растерялась. Просто моя маленькая стрекоза уже елозит в кресле и нетерпеливо пинает спинку водительского сиденья. Не хотелось бы тратиться еще и на химчистку.

– Мамочка, выпушти меня, там папа!

– Лисенок, подожди. Я тебя отстегну.

Стоит ремням ослабнуть, Алиса выскальзывает из кресла и несется к Михаилу. В этот раз не повисает на ноге, а оставливается перед ним и задирает голову.

– Пвивет! Ты меня помнишь?

Глава 4

Есения

– Такое знакомство разве забудешь, – отвечает он. – Привет.

Дочь сияет и все-таки обхватывает его за ногу. Михаил на секунду теряется. Смотрит на Алису, потом на меня, будто я должна подсказать, что делать с трехлетним ребенком, который назначил тебя папой и теперь висит на бедре.

Увы, по этому вопросу мне методичку тоже не выдали.

– Лисенок, не виси на человеке.

– Я не повисла. Я его обвнимаю.

Михаил осторожно кладет ладонь ей на макушку и гладит по волосам. Вид у него при этом такой сосредоточенный, словно одно неверное движение – и ребенок сработает как сигнализация.

Я невольно улыбаюсь. Этот мужчина явно не знает, как вести себя с детьми. Но хотя бы не шарахается от Алисы, не требует немедленно снять ее с ноги и вообще выглядит скорее растерянным, чем недовольным. Уже неплохо.

Лиса вообще-то не любит незнакомых и даже к моим постоянным клиентам привыкает неделями. Зато Михаил прошел отбор сразу. Видимо, требования у дочери простые: вы-

сокий, не стоматолог, в форме – все, папа найден.

У меня требования к мужчинам еще проще: их в моей жизни быть не должно.

И все же оттаскивать дочь я не спешу. Исключительно потому, что ей весело. Конечно. Никакой другой причины быть не может.

Из бокса появляется Леша, вытирая руки тряпкой.

– Сеня, дотянула все-таки. – Он переводит взгляд с меня на Михаила, потом на Алису, крепко обнимающую чужую ногу. – А вы что, знакомы?

– Шапочно, – хмыкает Михаил, аккуратно высвобождая ногу из объятий моего ребенка. Алиса сдаваться не собирается и тут же перехватывает его за палец. – Неделю назад у стоматологии пересеклись.

– Я бы сказала, столкнулись, – уточняю я.

Леша многозначительно вскидывает брови, и на его лице медленно расплзается ухмылка. Стоящий неподалеку молодой тощий автослесарь – кажется, Костик – тихо прыскает в кулак.

– Понятно, – протягивает мужчина. – Мих, я гляжу, ты времени даром не теряешь. Неделя в городе, а уже везде поспел.

– Леха, капот открой, – спокойно отвечает Михаил. Леше хватает его тона, чтобы понять: тему пора закрыть.

Капот моей старушки распаивается с жалобным скрипом. Внутри пыльно, темно, и я, как всегда, не понимаю во-

обще ни черта.

– Похоже, троит, – говорит Михаил, наклоняясь над мотором. – Катушка или свечи. Отсюда и хлопки.

Черная ткань его футболки натягивается на лопатках и собирается складками у поясницы. Михаил упирается ладонью в кузов и тянется куда-то вглубь. Плечо подается вперед, мышцы на спине напрягаются, меняя рельеф под тонкой тканью, и я сама не замечаю, как начинаю следить за каждым его движением. Как сходятся лопатки. Как разглаживаются складки у пояса. Как снова напрягается рука, когда он пытается что-то там проверить.

Никакой показухи – человек просто чинит машину. А я залипаю настолько откровенно, что мне уже должно быть стыдно. Видимо, стыдно станет потом, когда я снова начну соображать. Сейчас мой организм совершенно некстати вспоминает, что я не только мать, флорист и владелица престарелого ведра, но еще и женщина.

– Сеня, ты когда свечи меняла?

Михаил перехватывается поудобнее. Рукав задирается выше, открывая сильное предплечье с проступившими венами.

– Сеня?

– М-м?

– Я спрашиваю, свечи когда меняла? При царе Горохе?

До меня наконец доходит, что Леша уже второй раз зовет меня. Поворачиваюсь к нему. По довольной роже сразу по-

нятно, что причину моей внезапной глухоты он сразу просек.

– В прошлом году, – вру я, потому что совершенно не помню, когда это было и было ли вообще. Да и какая разница, если она до сегодняшнего дня ездила?

– В позапрошлом веке, судя по нагару, – хмыкает он. – Костян, принеси тестер и свечной ключ.

Пока Костик уходит за инструментами, Алиса тут же просовывает любопытный нос под капот. Я ловлю ее за капюшон и подтягиваю к себе.

– Лисенок, не лезь. Там горячо.

– Я только посмотрю.

– Смотреть можно отсюда, – Михаил отодвигает подальше лежащий на краю ключ и освобождает для нее место рядом с собой. – Руками ничего не трогаем.

Я отпускаю капюшон, но остаюсь рядом. Моя хулиганка способна превратить обычное любопытство в поездку в травмпункт быстрее, чем я успею сказать «нельзя».

– А что ты деваешь? – Лиса вытягивает шею, пытаясь заглянуть под капот. – Машинку чинишь?

– Пока только смотрю. Хочу, чтобы она снова поехала, – отвечает Михаил, осторожно переставляя ноги, чтобы не наступить на ее крошечные кеды.

– А почему она не едет?

– Заболела.

– У нее темпеватува? – сочувственно спрашивает Лиса.

Михаил поворачивается ко мне, словно ответ на этот во-

прос должна знать я. Прикусываю губу, чтобы не рассмеяться.

– Не смотри на меня, – предупреждаю я. – Диагноз поставил ты.

– Температуры нет, – после короткого раздумья сообщает он. – Свечи устали.

– Свеци, котовие на товтик? – Лиса мгновенно забывает о больной машине и оживляется. – Покази!

– Другие. Они в машине. – Михаил оглядывается, берет со стола старую свечу и показывает ей на раскрытой ладони. – Вот, смотри.

– Фи, она не квасивая и гвязная. Никачу такую. – Дочь морщит нос и тут же переключается на самый большой и тяжелый инструмент, название которого я даже не знаю. – А можно мне вон то?

– Нет, он тяжелый, – останавливает ее Михаил.

– А почему тяжелый?

– Потому что железный.

Лиса задумчиво кивает, будто объяснение ее полностью устроило. Михаил уже собирается отвернуться к мотору, когда она выдает:

– А почему железный?

Он медленно поворачивает голову ко мне.

– Это когда-нибудь заканчивается?

– Иногда она спит, – утешаю я.

Михаил усмехается и снова обращается к Алисе:

– Давай договоримся так: ты будешь мне помогать, но брать можно только то, что я тебе разрешу. Поняла?

– Понява! Я буду помощником папы! – радостно объявляет мое чудо. – И я тозе умею чинить машинки.

Заявляет так уверенно, будто за ее плечами лет десять работы в автосервисе. Хотя весь ремонтный опыт Лисы пока сводится к оторванным колесам на трех игрушечных машинках.

Михаил выкладывает на край верстака несколько небольших ключей и объясняет, какой можно брать. Через минуту Лиса уже подает ему нужный обеими ладошками и сияет так, словно без нее сервис пришлось бы закрыть.

– Спасибо, напарница.

– А это зачем? – Она тычет пальцем в канистру с маслом.

Михаил терпеливо отвечает на каждое «зачем» и «почему», подбирая слова попроще, а если не знает, честно так и говорит. Мужчина просто разговаривает с ребенком. Велика невидаль. Только я слишком хорошо знаю, как быстро у взрослых заканчивается терпение, когда трехлетка задает двадцатый вопрос подряд. У него оно почему-то не заканчивается.

Один из механиков проходит мимо и, усмехаясь, кивает на Лису:

– Михалыч, смену себе уже растишь?

– Не потянете зарплату. Она за каждый ключ по конфете требует.

Алиса деловито кивает, мгновенно принимая новые условия оплаты ее труда.

– Две.

– Вот видишь. Уже повышение запросила.

– А ты всегда тут ваботаешь? – спрашивает Лиса, пока Михаил вытирает руки.

– Нет. Иногда помогаю дяде Леше. А ты где?

– Я в садике. А мама у нас цветочки пводит!

– Да?

– Да! У нее магасин вон там, – машет рукой в сторону стены, за которой находится мое помещение. – И возы, и во-маськи, и бовшие зеленые лопухи в говшках есть.

– Как здорово...

– Мама всем людям цветочки давит. На свадьбу, на день вовздения... Всем-всем. А ей никто не давит.

– Дарит, солнышко, но Михаилу совсем не обязательно это знать.

Но остановить Лису, если кто-то внимательно ее слушает, невозможно.

– Почему? Это же пвава. Тебе никто цветочки не пвино-сит. Совсем-совсем. Только я одуванчики с газона свываю. А они быстро вянут и пахнут говько.

В боксе становится тихо. Леша прячет улыбку, а вернувшийся с коробкой Костик замирает на месте.

Мне хочется провалиться сквозь землю. Просто закрыть лицо ладонями и исчезнуть, лишь бы не стоять здесь и не

сгорать от стыда и смущения.

Михаил переводит взгляд на меня и едва заметно приподнимает бровь.

– Никто, значит? – спрашивает он.

– У меня цветочный магазин. Поверьте, цветов в моей жизни более чем достаточно.

– Мама любит вазы, – продолжает сдавать меня дочь. – И пионы. А живем мы на Маячной, дом, где котик на стене нависован, каватива совок семь...

– Так, хватит! – Я подхватываю ее под мышки и прижимаю к себе. – Лиса, ты сейчас еще дяде пин-код от моей карты расскажи.

Если честно, то домашний адрес – не та тема, где я умею сохранять спокойствие. Мы столько раз проговаривали, что нельзя рассказывать незнакомым людям, где живем. Она обещает, а потом встречает большого офицера – и все правила отправляются куда подальше.

– У тебя нет кавты с котиком. У тебя зеვენенькая, – обиженно бубнит ребенок, болтая ногами.

Леша уже ржет в голос:

– Сеня, я готов чинить твой драндулет бесплатно, только привози малую почаще! Мих, адрес запомнил? Маячная, дом с котиком. Не перепутай.

– Леша, ключом на шестнадцать давно в лоб не получал? – ласково спрашиваю я.

Следующие полчаса я то и дело оттаскиваю Алису от бле-

стоящих железяк, а сама снова засматриваюсь на руки Михаила. Он снимает катушку, одну за другой выкручивает старые свечи, перехватывает ключ длинными пальцами. Очень полезные наблюдения для женщины, которой мужчины совершенно не нужны.

Наконец новые детали стоят на месте, а капот закрывается с глухим стуком.

– Готово. Катушку заменили, свечи тоже давно просились. Сейчас прокатимся вокруг здания, и можешь забирать.

– Спасибо. Сколько я вам должна?

– С Лехой разбирайся, – Миша кивает в сторону друга. – Я тут просто помогаю.

– Все равно спасибо. Правда выручили.

– Не за что, Есения.

Пока один из механиков делает короткий круг, я помогаю Алисе вымыть руки в раковине у стены. Потом перевожу Лешу деньги по номеру телефона, пока этот балбес продолжает многозначительно подмигивать, но я делаю вид, что ослепла.

Когда машина возвращается во двор с ровным урчанием, я усаживаю дочь в кресло и пристегиваю.

– До свидания, дядя офицев! – кричит дочь, высовывая нос в приоткрытое окно, когда я включаю передачу.

Михаил поднимает ладонь.

– Бывай, Лиса. Маму слушайся.

Прощаюсь со всеми и выруливаю со двора. Мельком бросаю взгляд, замечая в боковом зеркале Михаила. Он все еще

стоит у ворот, засунув руки в карманы рабочих брюк. Через пару секунд угол здания скрывает его из виду.

Ехать мне далеко не нужно. Я огибаю здание и останавливаюсь у служебного входа в цветочный. В багажнике ждут коробки с товаром, внутри магазина – уборка и несколько несобранных заказов, а завтра с утра новая поставка. Вот о чем нужно думать, Семенова. А не о мужчинах.

Тебе запрещено думать о них в принципе. И даже о тех, кто спокойно выдерживает сотню детских «почему» и умеет возвращать к жизни старые машины. Мало тебе было прошлого раза? Нет, даже слишком много.

Но я же девочка...

Просто поглазеть на красивых мужиков как на драгоценные экспонаты в музее, ведь не преступление. Правда?

Отстегиваю Алису, открываю багажник и подхватываю первую коробку. Упаковочная бумага шуршит, прохладные листья щекочат запястье. Цветы, заказы, работа – все знакомое, понятное и не вызывающее никаких ненужных мыслей.

Я дохожу до двери и только там понимаю, что улыбаюсь. И вовсе не потому, что машина больше не троеит.

Глава 5

Есения

– Солнышко, не крутись, пожалуйста. Постой минутку спокойно, – прошу дочь, пытаюсь разглядеть, как сидит на ней новый спортивный костюм с россыпью серебристых звездочек на кофте.

– Я уже не могу стоять спокойно, – дует губы Алиса, тебя растрепавшийся хвост. – Я устала и хочу мовочный коктейль. Ты обещала.

– Будет тебе коктейль. Но сначала нужно выбрать одежду.

– У меня уже есть одежда. Мне больше на надо.

– Если бы... – бубню я себе под нос. Ощущение, что в три года дети растут не по дням, а по часам. Купленные всего полтора месяца назад футболки на осень нам уже катастрофически малы. Про прошлогодний спортивный костюм – вообще молчу.

– Еще одна и уходим, – снимаю с плечика оранжевую кофточку с золотыми листиками.

– Я такую не кочу, – морщит нос дочь.

– А какую «кочу»?

– Вововенькую.

– Но мы уже взяли розовенькую, Алиса.

– Я две кочу. А такую не кочу.

Я раздраженно сдуваю упавшую на лицо прядь волос.

– Шут с тобой.

– А фто такое «шут»?

– Вырастешь, узнаешь. Давай одеваться. Тетя Катя со Степкой нас уже заждались.

Хоть это дважды повторять ребенку не надо. В свои любимые джинсы с толстовкой Алиса залетает со скоростью света. Правда, последнюю надевает капюшоном вперед, что вызывает у меня неконтролируемый приступ хохота. Это уже нервное.

За два часа нахождения в торговом центре я успеваю посидеть ивзмокнуть, как мышь. Мы обходим всевозможные бутики с детской одеждой. Перемеряем половину предоставленного ассортимента. Набираем четыре огромных пакета вещей. А мой банковский счет беднеет на кругленькую сумму – ушлые продавники обожают навариваться на детях, задирая ценники на товары втридорога. Особенно в начале учебного года.

Закончив с покупками, мы поднимаемся на третий этаж ТРЦ. Здесь просторный зал, куча фуд-кортов на любой вкус и кошелек, и большая детская игровая зона. Туда Алиса со Степаном и улепетывают, оба махом позабыв про мороженое.

Мы же с подругой занимаем ближайший к игровой столик. Держа детей в поле своего зрения, заказываем по лег-

кому салату и кофе. В ожидании официанта болтаем.

Я жалуюсь ей, что достать качественные цветы сейчас стало большой проблемой. Катя рассказывает про свой новый первый класс, который в этом году достался ей на классное руководство.

Удивительно, но до переезда у меня никогда не было настоящих подруг. Даже в школе с пацанами мне было легче дружить, чем с девчонками. И лишь Екатерина Сергеевна сломала эту систему. Она была первой, с кем я познакомилась в этом городе. Первая, кто без раздумий протянула мне руку помощи. Вместе с ней мы проходили первые зубы, первые шаги и первые слова наших детей одногодок. И с ней же «пережили» ее развод с мужем-альфонсом. Сколько на плечах друг друга было пролито слез и задвинуто мотивационных речей за три года – уже не сосчитать. Одним словом, не представляю, как я жила без лучшей подруги целых двадцать семь лет своей жизни. Это ведь мотиватор, коуч и психолог в одном лице.

– Мой опять объявился, представляешь, – хмыкает Катя, когда наши тарелки из-под салатов пустеют. – Позвонил вчера и денег попросил занять. Ну не олень ли?

– Олень, – соглашаюсь я. – Так и не нашел себе работу?

– Нет, но он «в активном поиске», как сказала мне бывшая свекровь.

– Сдается мне, единственное, что он делает активно, – это щелкает мышкой, проходя очередную катку в очередной ту-

пой игре.

Переглядываемся, посмеиваясь.

– Где в наше время находят нормальных, Есь? Чтобы рукастый, добрый, работающий и с чувством юмора? Такие вообще, интересно, существуют?

Я пожимаю плечами, потягивая кофе. Перед глазами сразу образ Михаила встает. Рукастый? Да. Работающий? Сто процентов. Добрый? Скорее да, чем нет. Его доброту глаза выдают. Они у него какие-то... особенные. Вот про чувство юмора не знаю, но, думаю, у этого мужчины и так достоинств выше крыши. Приплюсуем сюда харизму, брутальность и горы впечатляющих мышц – получаем суперкомбо.

Интересно, каково это с таким большим мужчиной обниматься? Наверное, утопаешь в его объятиях, как в лапках гигантского плюшевого мишки. Тепло, уютно, безопасно...

Все мои бывшие были сущие дохляки – в сравнении с Михаилом. И Алисин папа, хоть и спортсмен в прошлом, – высокий, сухощавый и жилистый тип. Никакой плюшевости: ни физической, ни душевной.

– Наверное, существуют, – отвечаю я немного запоздало.
– Идеальные.

– Ладно, я верю, что когда-нибудь и на нашей улице вернется грузовик с крутыми мужиками, – произносит словно тост Катя и тянет свою чашку с латте. – Например, автобус с хоккейной командой. Или микрик с бодибилдерами.

– Ха-ха! Определенно, однажды это случится, – соглаша-

юсь, чокаясь с ней своим кофе. Улыбаюсь. Хотя мужчина – последнее, что мне нужно в этой жизни. Уж слишком больно я обожглась. Некоторые шрамы до сих пор мне об этом напоминают.

Спустя сорок минут к нам за столик возвращаются дети. Красные, растрепанные, взмокшие, но счастливые. Наперебой рассказывают, как прыгали на батуте и играли с другими ребятами в догонялки, бегая по мягкому городку.

А еще через полчаса, с боем накормив своих чад макаронами с куриными котлетами, мы одеваемся и выходим из торгового центра.

На улице сегодня тепло. Небо голубое, облака пушистые, и все вокруг пестрит желто-оранжевыми оттенками осени. От инсталляций и плакатов на площади до шуршащих под ногами опавших с деревьев листьев.

– А мама мне велосипед подарит, – говорит Степа, тщательно проговаривая букву «р».

– А мне воликовые коньки обещала, – хвастается мое картавое чудо.

– А ты умеешь на них кататься?

– Нет. А ты? А на велике умеешь?

Дети, взявшись за руки, идут на два шага впереди нас.

– Наше такси уже на подъезде, – говорит Катя, отслеживая по приложению машину.

– Глупость придумала, – ворчу я. – Мы с Алисой могли вас подвезти.

– Мы к родителям. Это другой конец города. А у вас только одно детское автокресло. Не переживай, коть, мы добьемся сами, – тянется и чмокает меня в щеку подруга. – Завтра сплшемся по поводу выходных?

– Да, обязательно. Я думаю... – начинаю и не договариваю, когда на всю площадь у торгового центра раздается звонкое Алисино:

– Пивет!

Оглядываюсь на дочь. Она, едва не выпрыгивая из кофты, скачет и машет кому-то рукой. Поднимаю взгляд. Давлю вздох. Угадайте кому?

Дорогу к торговому центру переходит Михаил. Сегодня он в джинсах и зеленой футболке, что совершенно не по погоде, но абсолютно его не смущает. На голову, а то и две выше идущих рядом с ним по пешеходному переходу людей. Большой, сильный, заметный настолько, что каждая вторая женщина сворачивает ему вслед свою шею. Некоторые – особо ушлые – даже умудряются строить ему глазки. И это – фу!

Заметив мою дочь, Михаил улыбается одним уголком губ. Поднимает руку, коротко, приветственно взмахнув Алисе. Затем начинает ощупывать глазами периметр вокруг ее фигурки. Меня ищет?

Находит.

Мое сердце запинается, когда наши глаза встречаются. Я тоже натягиваю на лицо доброжелательную улыбку и тоже помахиваю нашему с дочерью новому знакомому. А чем бли-

же он подходит, тем сильнее начинаю нервничать. Совершенно ненавидя себя за это, кстати!

Слышу Катино:

– Вау. Это кто такой?

– Это мамин мувж! – гордо выпаливает моя дочь.

– В смысле мамин муж? – удивленно округляет глаза подруга.

– Ну, мой папа – это мамин мувж! – с видом «ты чего такая тупая, тетя Катя» поясняет Лиса. – Пививет, папа! – повторяет и срывается с места дочь.

Михаил с ходу подхватывает ее на руки. Моя принцесса без комплексов обнимает его за шею и начинает без умолку тарыхтеть, рассказывая о сегодняшнем дне. И о всех тех днях – а это почти неделя – что мы не виделись после автосервиса. Нагружает чужого человека ненужной ему информацией.

Ох, будь у меня не заняты руки, я бы обязательно изобразила «фейспалм»!

Надо же было ребенку вбить себе в голову подобную чушь? А главное: кого она выбрала на роль отца? Шикарно-го, взрослого мужика, который в другой ситуации на меня и не посмотрел бы.

Нет, не потому что я дурнушка. Я вполне себе хороша! А потому, что типаж женщин у таких, как Михаил, другой. Их девчонки я-все-могу-сама с прицепом – не привлекают. Им нужно утонченного лебедя в вечной беде.

– Реально папа? – не понимает Катя. – То есть тот, с ко-

торым ты развелась «папа»?

– Нет. Это не Эдик. Это Михаил. И я понятия не имею, почему именно его Алиса решила назначить себе в отцы. Мы видимся всего третий раз в жизни.

– Оу, – присвистывает подруга. – Кажется, твоя дочь знает что-то, чего не знаешь ты, – хмыкает. – Добрый вечер, папа Алисы! – здоровается с подошедшим к нам мужчиной Катя.

– Добрый, – кивает он. – Есения, – кивает и мне. Коротко, по-армейски.

– Я ничего не могу с этим сделать. Простите, – развожу руками с пакетами я. – Здравствуйте, Михаил.

– О, вот и наше такси! – бросает громко Катя. – Все, мы вас покидаем. На созвоне, Есь. Лисенок, дай пять! – подставляет ладошку моей дочери. – И приятно было познакомиться, папа Алисы! – подмигивает мужчине. – Степашка, говори пока и идем!

– Пока! – послушно говорит Степа.

Катерина подхватывает сына за руку и уводит. Они быстро садятся в машину и уезжают, оставляя нашу троицу стоять посреди парковки и неловко переглядываться. Хотя, судя по выражению лиц мужчины и моей дочери, неловко тут только мне. И в какой промежуток своей жизни я растеряла ту самую непосредственность?

– Закупились? – спрашивает Михаил, кивая на набитые вещами пакеты у меня в руках.

– Да, немного.

– Мы купиви мне квасовки, костюм и две возовые кофточки! – сообщает Лиса, спрыгивая с рук мужчины.

– Дети растут слишком быстро, – закатываю я глаза.

– Понимаю.

– А вы что здесь...

– Нужно кое-что прикупить для дома.

Мы переглядываемся. Синхронно киваем. Тут же смеемся. Глупо как-то. И странно все это.

– Ладно, мы, наверное, уже поедем...

– Есения, вы не могли бы мне помочь...

Говорим мы с мужчиной одновременно.

Я в удивлении складываю губы буквой «о». Но тут же беру себя в руки и говорю:

– М-да. Да, конечно. Чем именно?

– Я только переехал. У меня на съемной квартире скудно с посудой и другими необходимыми в быту мелочами. А что в домашнем уюте может понимать кочующий всю жизнь по казармам вояка? Может, вы могли бы составить мне компанию в походе по магазинам? А с меня мороженое Алисе и вам... да, собственно, все, что пожелаете.

Моя челюсть едва не отпадает. Снова. Эта просьба настолько неожиданна, что я сразу начинаю искать в ней подвох. Хотя, конечно, его здесь нет! Но и ответить своим согласием или несогласием не успеваю. Дочурка все решает за меня, бросая весело:

– Мама любит молчковый товт. О, и хочет винишка! Так

она тете Кате сказала.

– Алиса! Господи, пожалуйста, делите все сказанное моей дочерью на два, Михаил.

– Все нормально, – смеется мужчина, разгоняя своими низкими вибрациями мурашки по моим рукам. – Мороженое, торт и вино. Принято. Ну так что, договорились?

– Договорились! – опять встречается Лиса, впихивая свою ладошку в руку Михаила, второй цепляясь за пакеты в моей руке. – Подем?

– Ну, уговорили, – покорно улыбаюсь я. – Мне только нужно пакеты...

– Я помогу, – быстрее, чем успеваю сообразить, забирает у меня покупки мужчина, без напряжения перехватывая все ручки одной рукой. – Где ваша машина? Показывайте.

Глава 6

Есения

– Мы застряли в торговом центре еще на два часа после вашего со Степкой ухода. И, знаешь, это такое странное ощущение – выбирать бытовые вещи в чужую квартиру.

– Ну почему в чужую? А вдруг когда-нибудь..., – по голосу слышу, что подруга хитро улыбается.

– Ой, да брось, – хмыкаю я, добавляю в цветочную композицию декоративную веточку зелени и перевязываю собранный букет золотой лентой. – Нам с Михаилом не по пути.

– А твоя дочь так не считает.

– Моя дочь назвала чужого мужчину «папой», увидев его первый раз в жизни. Вряд ли ее мнение можно считать авторитетным.

Катя смеется. Я улыбаюсь. Ставлю готовый букет в широкую стеклянную вазу и помещаю его в специальную холодильную камеру. Расправляя прозрачную упаковку, ненароком вспоминаю, как после похода по бутикам с товарами для дома Михаил пригласил нас с дочуркой в кафе-мороженое. Это был час, наполненный неловкостью с моей стороны и абсолютным счастьем со стороны Алисы. И это тоже было странно.

– Я не понимаю, как мне к нему относиться, – говорю я подруге.

– Как к другу? Для начала.

– Если бы я могла. Раньше я запросто дружила с мужчинами и совершенно не парилась по этому поводу. Но, обжегшись с Эдиком, теперь я постоянно жду подвоха.

– Не все такие гнилые редиски, как твой бывший. В этом мире много достойных.

– Знаю-знаю.

Вернувшись за стойку, подтягиваю к себе новый лист упаковочной бумаги и пару пышных хризантем. Начинаю собирать новую композицию.

– Так ты говоришь, он действующий военный?

– Угу. Контрактник. Всю жизнь в разъездах. Предвосхищая твои следующие вопросы: детей нет, женат не был, не в отношениях. Квартира в Питере.

– У, надо брать быка за рога! Вернее Мишу за...

– Я поняла! Поняла! – поспешно перебиваю подругу, пока она не начала кидать пошлости на весь цветочный магазин. – Напоминаю, ты на громкой, а ко мне в любой момент может зайти покупатель.

– Или автомеханик с соседнего сервиса. Ну-ну.

Мы обе посмеиваемся. И ровно в этот момент музыка ветра над входной дверью звенит. Я вскидываю взгляд. В лавку заглядывает молодой парень в рабочем комбинезоне и кепке набекрень.

– Есения Марковна? Вам доставочка.

– Оу, отлично! – возвращаю я цветы в воду. – Подъедете со служебного входа? Я открою вам дверь, – прошу. – Все, Катюнь, я побежала, – говорю уже в трубку. – Мне подвезли новые стеллажи. На созвоне.

– Беги. А я пойду выпью кофе и сяду проверять тетрадки.

Мы с подругой прощаемся. Я отбиваю вызов и накидываю на плечи длинный вязаный кардиган. Выбегаю на улицу. Спускаюсь по ступенькам к припаркованному грузовику. Молодые парни из службы доставки лихо выгружают из кузова две увесистые коробки, оставляя их на единственном свободном пятчке за прилавком. Теперь тут не развернуться. Вручают мне накладную, берут с меня подпись и уезжают, оставляя меня один на один с новой проблемой. Кто все это будет собирать? И почему я не озаботилась этим вопросом заранее?

Нет, вообще-то, я не криворукая. Могу и сама. С инструкциями дружу, силы в руках есть. Шуруповерта только нет. А оставлять этот «конструктор» до завтра – не вариант. Слишком мало в помещении места.

Прикидываю, у кого можно раздобыть инструмент побыстрому. На ум приходит только Леша из автосервиса. Тем более что и бежать недалеко.

Набираю его номер. Длинные гудки и сброс. Набираю второй раз – история повторяется. Решаю идти напрямую – сразу в автомастерскую к ребятам. Запираю изнутри служебный

вход и, хватая со стола ключи, выбегаю из главного входа в цветочную лавку. Нос к носу сталкиваюсь с Михаилом.

– Ой! – охаю от неожиданности, запинаясь о выбоину в плитке на крыльце.

– Осторожно, – поддерживает меня за локоть мужчина. – Убьешься.

– У моих ног случился рассинхрон. Со мной бывает.

Смеемся. Я аккуратно выдергиваю руку из мужского захвата и нервно заправляю волосы за ухо. Порыв ветра раздувает полы моего кардигана. Я плотнее в него кутаюсь, складывая руки на груди.

– Надо починить, – говорит Михаил.

– Что? – не догоняю я.

– Плитку, – кивает на ту самую выбоину.

– Ах, это. Да. Надо мне как-то озадачиться этим вопросом. Пока не до того было. А ты здесь как... – вопросительно вскидываю бровь, многозначительно замолкая.

– Пришел выпить с тобой кофе, – вскидывает руку с картонным подстаканником мужчина, демонстрируя два высоких стаканчика и бумажный пакет с логотипом известной в городе пекарни, из которого просто невероятно аппетитно пахнет свежей выпечкой. – Найдется минутка?

Я от удивления впадаю в легкий ступор.

Он пришел ко мне? С кофе? Посреди рабочего дня?

И что это значит?

И значит ли вообще что-то или как?

Боже, когда я успела стать НАСТОЛЬКО далека от мужских широких жестов?

– Эм, – растерянно тяну я. – Неожиданно... То есть... А я как раз шла к вам в сервис, чтобы... – соберись, Семенова! – Короче, мне нужен шуруповерт. Хотела попросить. Вот. В лавку подвезли новые стеллажи. Хотела по-быстренькому собрать.

– Сама? – озадаченно сводит брови Миша.

– Сама. А что делать? Такая она жизнь: сильной и независимой.

– Я-ясно, – тянет он. – Сделаем так, сильная и независимая, я схожу за инструментом и вернусь. Ты выпьешь со мной кофе, я соберу твои шкафы. Договор?

– Договор! – отбиваем кулаками «пять».

Миша отдает мне кофе и вкусняшки. Уходит. Я, волнуясь словно перед свиданием, возвращаюсь в цветочный и накрываю нам импровизированный столик. Кучу раз переставляю местами вещи на прилавке так, чтобы смотрелось эстетично. Однако степлер и блок бумаг для записи – такие себе детали уюта.

Суется. Снимаю кардиган. Надеваю обратно. Поправляю волосы. Собираю их в хвост. И снова распускаю. Отдергиваю водолазку, сетуя на то, что не надела сегодня блузку понаряднее. Подкрашиваю губы розовым тинтом. Но, тут же решив, что это слишком откровенно, стираю его салфеткой. Спустила пять минут начинаю сама себя ненавидеть за неопре-

деленность и кипиш.

– Угомонись, балда! – шикаю себе под нос.

Дверь в цветочный открывается. Заходит Миша с пластиковым кейсом в руке. Не успеваю ничего сказать, как у меня перед носом возникает пышная белая ромашка с желтой сердцевинкой.

– Что это? – осторожно забираю пальцами цветок.

– Это тебе. До меня дошел слухок, что цветочнице не дарят цветы.

– Ах, Алиса... – качаю я головой, смущаясь. – Ты запомнил, – закатываю глаза с улыбкой. – И пошел спонсировать моих конкурентов! – решаю свести его жест к шутке. Исключительно потому, что не знаю, как иначе на все это реагировать.

– Ну согласись, было бы странно, если бы я пришел за цветком для тебя к тебе же.

– Соглашусь. Спасибо. Я обязательно сообщу Лисе, что ее мама больше не «сапожник без сапог».

Миша смеется. Присаживается на корточки и открывает кейс. Достает инструмент и жмет длинными пальцами на клавишу, проверяя, не сел ли аккумулятор. Помещение наполняет громкое «вж-ж-ж».

Я засматриваюсь. На движение его предплечий и мышц спины под синей футболкой. На короткий, колючий ежик на затылке. И маленькую родинку в основании шеи. Выпадаю из реальности, возвращаясь в нее, лишь когда «мастер» при-

нимается распаковывать стеллажи.

– А как же кофе? – спохватившись, спрашиваю я.

– Выпью в процессе работы. А ты покушай. Время уже третий час, а ты не ела.

– Я обедала, – вру. И, судя по брошенному на меня мужчиной взгляду, он это считывает. – Ладно. Раскусил. У меня сегодня крошки во рту не было. Утром мы с Лисой, как всегда, опаздывали, а обед был сумасшедший. Поставка цветов и все дела. Откуда ты такой догадливый?

– Я не догадливый, а наблюдательный, – почесывая подбородок, разглядывает схему шкафа Миша.

– То есть наблюдаешь? За мной?

– Отругаешь? Или сразу прогонишь? – вскидывает он взгляд со смешинкой.

Я снова теряюсь и не нахожусь с ответом. Чувствуя себя маленькой, глупенькой и совершенно неопытной девочкой рядом с таким серьезным мужчиной, как Михаил. Не понимаю: он флиртует? Я ему нравлюсь как женщина или он заигрывает чисто по-дружески? И, боже, почему я такая эмоционально-деревянная?!

Напоминаю себе: это потому, что мне категорически не нужно сейчас вляпаться в отношения. Но с каждым разом это убеждение в моей голове звучит все тише и неуверенней. И все чаще там пробивается сокровенное: «а что, если...».

Миша, видимо решив, что «я дурочка и что с меня взять», не дожидается ответа и приступает к сборке мебели. Разбав-

ляет выросшую между нами неловкость прыжком на отвлеченную тему. За что я ему неизменно благодарна.

На сборку стеллажей у него уходит примерно час и двадцать минут, за которые я успеваю: хапнуть визуальную порцию тестостерона, выпить свой кофе, съесть булку с малиновым джемом и обслужить двоих клиентов. Все свободное время крутятся поближе к мужчине, стараясь быть на подхвате и при этом не мешать. Периодически своим кипишем создавая случайные столкновения наших тел: рук, ног и разочек лбов, которыми мы стукнулись, одновременно начиная вставать. Это было так неловко! И так смешно. Боже, Семёнова!

Ровно в четыре тридцать мы вдвоем задвигаем новый шкаф на отведенное ему место у окна и с удовлетворением разглядываем получившийся результат. На один стеллаж перекочуют горшки и кашпо для цветов. На другой – сами домашние цветы. В старом шкафу этому добру тесно. Да и в помещении станет в разы уютнее.

– Спасибо тебе большое, Миша. Не знаю, что бы я без тебя делала!

– Всегда пожалуйста, – бросает он, собирая картон в мусорный пакет. – Обращайся.

– Хорошо. Только мы так и не выпили кофе. Вместе.

– Значит, придется как-то повторить.

– Хорошо. Я за.

– Ладно. Учту.

В наши взаимоотношения возвращается неловкость. Миша собирает инструменты. Моет руки в маленьком умывальнике, едва развернувшись со своими габаритами в моем крохотном подсобном помещении. Говорит:

– Алисе «привет» передавай.

– Обязательно, – обещаю я.

Он кивает и разворачивается. Уже одной ногой выходит из цветочного. Я замираю за прилавком, нервно вытирая ладони о джинсы. Внутри меня битва между желанием отблагодарить мужчину за его помощь и страхом снова вляпаться в историю. И первое уже почти побеждает. Я уже открываю рот, чтобы позвать Михаила сегодня к нам с Алисой на шарлотку, которую планирую испечь, как Миша резко тормозит и оборачивается, бросая:

– Есения, я вообще-то хотел спросить...

– Да? – слишком поспешно отвечаю я.

– Что ты делаешь завтра вечером?

– М-м... Пока не думала... Особых планов нет. А что?

– Поужинаем вдвоем? Парни посоветовали мне неплохой грузинский ресторан на набережной. Вот я и прикинул, что мы могли бы сходить. Если ты, конечно, хочешь.

«Ох, черт! Снова будет больно» – всхлипывает сердце.

«Это что, свидание?» – поднимает голову паника.

«Нам не нужны отношения!» – вопит мозг.

– Я согласна, – произносят губы. Прежде чем я успеваю взвесить все «за» и «против».

– Отлично. Заберу тебя в семь.

– Лучше встретимся на месте. Я знаю этот ресторан.

– Как скажешь. Тогда до встречи, Есения.

– До встречи, Михаил.

Музыка ветра над дверью звенит. Мужчина уходит. Я опускаюсь попой на стул и сжимаю пальцы в замок.

О, бо-же. Похоже, меня только что пригласили на свидание...

Глава 7

Есения

– Катюнь, ты сегодня после работы сильно занята? – спрашиваю я, прижимая телефон плечом к уху и пытаюсь попасть ключом в замок цветочного. С третьего раза получается. Нервы у меня сегодня ни к черту. И руки, судя по всему, тоже.

– Смотри что ты хочешь предложить. Если отмыть у тебя окна, то очень занята. А если выпить винишка и пожаловаться на жизнь, то могу и освободить вечер.

– Можешь забрать Лису из садика? И посидеть с ней немного. Я потом за ней приеду. Только пока не знаю, во сколько.

На другом конце становится тихо. Я спускаюсь с крыльца, перешагивая выбоину, и направляюсь к машине. Надо все-таки заняться этой плиткой. Желательно до того, как кто-нибудь из клиентов оставит на ней свои передние зубы.

– Та-ак, – наконец тянет подруга. – А ты куда собралась?

– Поужинать.

– Ешь, не томи. С кем?

– С Михаилом, – признаюсь я и зачем-то оглядываюсь на автосервис. Будто он может услышать меня через дорогу. – Он вчера пригласил в ресторан. А я согласилась.

– Да ладно! И ты молчала?!

– Я до сих пор пытаюсь это осознать. Вроде собирали стеллажи, потом кофе и приглашение на свидание, а закончилось все тем, что я поняла, что мне совершенно нечего надеть.

Подруга смеется. Я открываю машину, забрасываю сумку на соседнее сиденье и сажусь за руль. Сама тоже улыбаюсь, хотя от одного произнесенного вслух слова «ресторан» у меня внутри все поджигается. Это уже не булка с кофе у меня в магазинчике и не мороженое с ребенком. Это вечер вдвоем. За одним столом. Где придется как-то поддерживать разговор, пока на меня смотрит мужчина, рядом с которым я периодически забываю даже собственное имя.

– Значит, так, – деловито говорит Катя. – Детей я заберу. Накормлю, выгуляю, выдам игрушки. Не торопись. Мы со Степкой вдвоем все равно собирались лепить пельмени, а в шесть рук налепим больше.

– Или потом придется дольше отмывать кухню. Ты моей только муку в свободном доступе не оставляй. Она недавно решила, что это снег.

– Переживем. Ты лучше скажи, во сколько у вас встреча?

– В семь. Я вот даже магазин пораньше закрыла. Хочу спокойно собраться.

– Правильно. Иди делай из себя красивую женщину.

– Спасибо, конечно, подруга. А обычно я кто?

– Красивая женщина с секатором. Сегодня ты должна быть шик-блеск-суперстар.

Мы обе хихикаем. Я еще раз благодарю Катю, обещаю на-

писать, когда освобожусь, и убираю телефон в сумку.

Ну вот. Вопрос с ребенком решен. В цветочном все убрано, заказы выданы, и до завтрашнего утра я никому ничего не должна. Можно ехать домой, принять душ и заняться собой. Без стука в дверь ванной и криков: «Мам, я только сплосить!», за которыми обычно следует просьба открыть йогурт, найти носок или посмотреть, как красиво у нас теперь разрисован подоконник.

Редкая возможность, между прочим.

И я намерена ею воспользоваться.

Дома первым делом достаю из шкафа платье. Темно-зеленое, мягкое, с длинными рукавами и неглубоким вырезом. Прикладываю к себе перед зеркалом, прикидывая. Не слишком нарядно? Мы ведь просто идем поужинать. Хотя в джинсах он меня уже видел. И в водолазке. И с торчащими из хвоста волосами, пока я бегала по торговому центру за Алисой.

Хочется, чтобы сегодня увидел другую меня.

От этой мысли становится одновременно приятно и неловко. Как будто я сама себе только что призналась в чем-то неприличном.

С расслаблением не складывается даже в душе. Пока горячая вода стекает по плечам, я успеваю представить, как мы сидим за столиком. Как Михаил улыбается, разглядывая меня. Как я говорю какую-нибудь глупость, а потом остаток вечера думаю только о ней. Вчера вон еле объяснила человеку, что мне нужен шуруповерт. А сегодня придется как-

то поддерживать беседу целый вечер. Желательно без «эм» и «ну я это».

Выбираюсь из ванной, заворачиваю волосы в полотенце и устраиваюсь перед зеркалом. С макияжем стараюсь не переборщить. Немного тона, туши и румян. Подвожу глаза, тут же стираю одну стрелку и рисую заново. Потом переделываю вторую, потому что теперь первая получилась лучше. На третьем круге решаю, что Михаил вряд ли, придя на свидание, заметит такие нюансы, и оставляю как есть.

Вообще-то я давно так не собиралась. Чтобы никуда не бежать, не красить ресницы одной рукой, пока второй застегиваешь ребенку кофту. Не слушать недовольное пыхтение за спиной и не вылавливать из косметички маленькие пальчики, нацеленные на самую дорогую помаду.

В квартире непривычно тихо. Даже приятно. Хотя уже через полчаса я ловлю себя на желании включить что-нибудь фоном.

Ставлю музыку на телефоне, снимаю полотенце и берусь за фен. Волосы у меня послушные ровно до тех пор, пока от них ничего не требуется. Обычно достаточно высушить и расчесать. Сегодня же мне хочется локонов. Красивые, крупные, как у девушки в коротком видео, которое я зачем-то сохранила пару месяцев назад.

У нее все это занимает тридцать секунд.

Я же вожусь уже минут пятнадцать и пока могу похвастаться только двумя завитыми прядями возле правого уха.

Остальные волосы, прихваченные наверху зажимом, ждут своей очереди. Отдельные концы еще влажные, рука устала, а девушка из видео начинает меня раздражать своей идеальностью.

Музыка обрывается на середине припева. На экране высвечивается имя воспитательницы.

Я сразу откладываю фен.

– Да, слушаю, – отвечаю, прижимая телефон к уху.

– Есения, добрый день. Вы не могли бы забрать Алису пораньше? Она после сна вялая, нос потек. На полдник почти ничего не съела, говорит, глотать больно. Медсестра посмотрела, горло красное.

Улыбка сползает с лица. Я машинально перевожу взгляд на часы. Четыре с небольшим.

– Температура есть?

– Сейчас нет. Но она лежит, даже играть не пошла. Обычно ведь первая бежит, а тут...

– Я поняла. Уже выезжаю.

Отключаюсь и несколько секунд сижу, глядя на свое отражение.

Так. Где у меня джинсы?

Вместо платья натягиваю то, в чем приехала с работы. Собираю недосушенные волосы в небрежный пучок, потому что возиться с ними уже некогда. Вытаскиваю из розетки фен и хватаю сумку.

По пути в садик вспоминаю утро. Лиса долго копалась за

завтраком, но она всегда копается, если в тарелке не блинчики. В машине была тише обычного. Я еще порадовалась, что сегодня обошлось без споров из-за песен.

Может, уже тогда начинала заболевать? А я не заметила.

К моменту, когда паркуюсь, успеваю мысленно отругать себя раз десять. Толку от этого никакого, но остановиться не получается.

В раздевалку дочь выходит за руку с воспитательницей. Щечки бледные, нос розовый, косичка с одной стороны почти расплелась. В другой руке она держит свой рюкзак-мишку за ухо и волочит его по полу.

– Мамоська, – тянет жалобно, увидев меня, и сразу подается вперед.

Я присаживаюсь, ловлю ее в объятия. Лиса обхватывает меня за шею и утыкается носом в ворот водолазки. Ни рассказов о том, кто сегодня отнял у нее игрушку, ни просьбы погулять на площадке перед домом. Только прижимается теснее.

От этого мне становится совсем не по себе.

– Что, солнышко, плохо? – глажу ее по спинке. – Горлышко болит?

– Угу. И носик.

Она шумно шмыгает носом и трется лицом о мое плечо. Обнимаю ее покрепче, поглаживая по спинке. Бедная моя девочка. Лучше бы скакала по раздевалке и спорила со мной, что шапку надевать еще рано, чем вот это вот все.

– Сейчас домой поедem. Иди, я помогу тебе одеться.

Пока переобуваю дочь, слушаю воспитательницу и киваю. Лиса сидит на скамейке, привалившись ко мне боком. Покорно дает просунуть руки в рукава, хотя обычно настаивает, что она большая и сама умеет. А когда я тянусь за рюкзаком, цепляется за меня.

– Мам, возьми меня.

– Конечно, малыш. Иди сюда.

Подхватываю ее на руки, благодарю воспитательницу и выхожу. Дочь кладет голову мне на плечо. До машины мы добираемся молча.

Дома Лиса отказывается переодеваться и сразу просится на диван. Помогаю ей снять уличную одежду, приношу мягкую пижаму. Она лежит, пока я стягиваю с нее колготки, и лениво шевелит пальчиками на ногах.

– А тетя Катя где? – спрашивает вдруг. – Людмила Николаевна говорила, что она меня забевет.

– Мы переиграли, солнышко. Сегодня побудешь со мной.

– А Степа?

– А со Степой потом поиграешь. Как поправишься.

Лиса опускает глаза. Нижняя губа обиженно выпячивается, но даже на привычное «ну ма-ам» сил, видимо, нет. Я целую ее в макушку и натягиваю пижамные штанишки.

– Хочешь, включу мультик? Про кошечек.

Она кивает, устраиваясь на подушке, а я укрываю ее легким пледом и нахожу пульт. Только после этого вспоминаю,

что Катя ведь собирается в садик за двумя детьми. Достаяю телефон и быстро набираю:

«Катюнь, отбой. Все отменяется, Лиса приболела. Я ее уже забрала, мы дома».

Откладываю телефон и достаю аптечку. Помогаю Лисе высморкаться, даю лекарство, приношу теплое питье. Дочь морщится, отворачивается от чашки, но после уговоров все-таки делает несколько глотков.

– Мам, посиди со мной, – просит жалобно, цепляя меня за рукав. – И зайку дай.

Подбираю с пола плюшевого зайца и сажусь рядом. Лиса тут же перебирается ко мне на колени, прижимается щекой к груди. Обнимаю ее вместе с игрушкой, поправляю сползший плед и целую в макушку. Вскоре дочь засыпает. Я остаюсь с ней, поглаживая по спинке, а когда просыпается, уговариваю ее немного поесть. Между чаем, платочками и попытками накормить мое приболевшее солнце совершенно перестаю следить за временем. Только отнеся на кухню чашку с недоеденным бульоном, беру телефон и вижу несколько непрочитанных сообщений от подруги.

Собираюсь открыть переписку, чтобы ответить ей, как мы тут, но взгляд цепляется за часы.

Восемнадцать сорок две.

Я замираю посреди кухни.

– Ой, мамочки... – выдыхаю, прижимая ладонь ко лбу.

Совсем забыла, что мы должны были встретиться с Ми-

шей в семь в ресторане.

Поспешно открываю контакты, уже собираясь набрать его имя, и палец замирает над экраном.

Нечего искать.

Мы не обменялись номерами. Вчера стояли друг напротив друга, договаривались об ужине, улыбались. Я еще настояла, что сама приеду. Очень самостоятельная взрослая женщина, которая не догадалась спросить, как связаться с мужчиной, если у нее вдруг изменятся планы.

Прекрасно, Еся. Просто замечательно.

– Ма-ам, я кочу пи-ить.

– Несу, зайка. Несу...

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.